

Программа «Новые имена»

ЛЮБОВЬ ЧЕРЕНКОВА

Повесть

ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЕВАНГЕЛИННЫ

12+

Любовь Черенкова
Приключения Евангелины

«Издательство «Союз писателей»

2017

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос=Рус)

Черенкова Л. Ю.

Приключения Евангелины / Л. Ю. Черенкова — «Издательство
«Союз писателей», 2017

ISBN 978-5-00073-509-1

Давным-давно на земле русской жил простой люд, который верил во множество Богов. И хотя христианская вера пришла уже в большие города, в селениях еще проводили древние ритуалы, замаливали богов жертвоприношениями, гадали на будущее, одним словом, жили так, как отцы, деды и прадеды. В одной такой деревне и обитала сиротинушка Милолика — девушка, от природы наделенная странным и опасным даром гадалки и знахарки. И был перед ней проложен известный путь, да не суждено было ей по нему пройти. В один прекрасный день появился в их краях монах, рассказал о своей вере, о иной жизни. И не удержалась Милолика. Решила сама узнать, что и как в том, другом мире, где людям верят в Бога Единого. Покинула она отчий дом, оставила за спиной родных, друзей детства и давних злопыхателей. А что впереди? Путь к Богу? Дорога к любви? Или узкая тропка в лапы к разбойникам и прямиком в рабство? Давайте сделаем шаг за шагом вслед за главной героиней истории Любви Черенковой «Приключения Евангелины», и узнаем, где искать истину, как обрести надежду и воплотить мечту...

УДК 82-31

ББК 84 (2 Рос=Рус)

ISBN 978-5-00073-509-1

© Черенкова Л. Ю., 2017

© «Издательство «Союз
писателей», 2017

Содержание

Часть 1. Княжество Рязанское	7
Часть 2. Из варяг в греки	12
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Любовь Черенкова

Приключения Евангелины

© Любовь Черенкова, Москва, 2017

© «Союз писателей», Новокузнецк, 2017

Часть 1. Княжество Рязанское

Мы хотим, чтобы менялись обстоятельства, а Господь хочет, чтобы менялись мы.

Священник Николай Булгаков

– Мила! – в избу вбежала девушка лет пятнадцати. – На сходке выбрали тебя для зажинок!

У меня от неожиданности аж веник из рук выпал.

Кстати, позвольте представиться: меня зовут Милолика, мне пятнадцать лет. Живу в семье старейшины селения Первака Храбровича и его жены Олели Стояновны. Помогаю готовить, убирать дом, стирать, пряхь, шить, да и вообще по хозяйству... Но, честно скажу вам, получается так себе. То ли дело в гадании узнавать волю богов или травами лечить какую хворь – в этом мне равных нет. А всё дело в моём статусе – сирота я. А потому в контакт с «тем светом» вступить – пара пустяков. Там же мои матушка с батюшкой.

Всё селение это, разумеется, знало, а потому ко мне ходили гадать и лечиться чаще, чем к нашей официальной ведунье бабке Казимире. Та втайне завидовала мне и наверняка читала в связи с этим какие-нибудь заговоры. Как-то раз она приходила к нам, после чего пропал мой гребень, а на нём ведь оставалось несколько моих волос, которые весьма подходили для порчи.

Но, видно, боги и предки хранили меня – со мной ничего страшного не происходило.

Бабка Казимира была вовсе не плохая – просто натура у неё завистливая, ну и возраст берёт своё.

Вот и познакомились с вами. А теперь вернёмся в тот момент, когда меня неожиданно отвлекла от важного метения веником шустрая Весняна.

– А уже время жатвы настало?

– Ну ты совсем в своём мире пребываешь! – Весняна удивлённо посмотрела на меня. – Перепёлка же пропела – самое время начинать жатву.

– А почему меня выбрали? Других девушек, что ли, нет? – Вопрос, конечно, был лишним. А кого ещё, если не меня? Зажинать первый сноп очень ответственно. Абы кого не пошлют.

Во-первых, только женщину (лучше молоденькую девушку, как я). А если эта девушка ещё и сирота (ну, о статусе сироты я уже говорила)...

Зажинки – это вам не просто снопик срезать. Это начало важного дела, в котором без помощи богов никак не обойтись. А кто же лучше вступает в контакт с обитателями иного мира, как не сирота?

А родителей я потеряла семь лет назад. На большой праздник у реки собралось всё наше селение. В самый разгар гуляний набежали половцы с Дикого Поля.¹ Кто успел спрятаться в лесу – уцелел, а кто нет – ушёл в Ирий,² к нашим богам и предкам. Я была шустрая, побежала – только пятки сверкали. А вот матушка с батюшкой не успели спастись.

На воспитание к себе меня взял брат отца – Первак Храбрович. Их было три брата – Первак, Второй и Третьяк, мой отец. А я, стало быть, Милолика Третьяковна – прошу любить и жаловать.

– Ну и что застыла? – Весняна не унималась (хорошая девушка, с пяти лет с ней дружим). – Вечером тебе идти в поле, а ещё нужно в баню и одеваться во всё чистое.

И то верно. Пришла Олея, жена старейшины, – женщина, в общем-то, добрая, но ко мне относилась несколько сухо. Её можно понять: своих детей пятеро мал мала меньше, а тут я вдобавок. Ну что ж попишешь? Зря меня хлебом не кормили – помогала по хозяйству как могла.

Совершив ритуальное омовение и надев чистую белую одежду, вечером отправилась на зажинки. А по-другому никак: всегда зажинать ходили к вечеру – порядок такой испокон веков, и не нам его нарушать. Еду с собой взяла – «полевому хозяину» отдам.

Придя домой, первые колосья поставила в красный угол. Зажин – это не просто несколько колосьев, он обладает магическими свойствами. С его помощью предотвращают боль, окуривают ребёнка от испуга, и всё в таком роде.

Таким образом, началась пора жатвы. На поле выходили чистые, в белой одежде, заканчивали работу до захода солнца. А как иначе? Проводы лета – границы между мирами открыты, души умерших пребывают на земле. Делать всё нужно чётко и осторожно.

Жать начинали с «головы» поля (самое близкое к дому место), а заканчивали на «хвосте». Никому не хотелось плестись в хвосте, вот и жали наперегонки.

– Милка, ты чего отстаёшь? – кричала моя подруга Весняна. – Или козой хочешь прослыть?

«Козой» обычно дразнили тех, кто отставал. Меня ни разу ещё не дразнили: с серпом управлялась всегда ловко. Вот пироги печь или прясть – такие чисто женские занятия получались с горем пополам.

– И как ты такой непряхой можешь быть? – удивлялась Олея. – Кто тебя замуж-то возьмёт? Приданое даже не сошьёшь толком.

Неприятно было слышать про себя такие слова. Да что возразишь на правду? Про приданое Олея Стояновна заговорила потому, что жениха уже мне присмотрела. Гудим, конечно, симпатичный парень, да и на меня засматривался. А как он играл на свирели – лучше всех в селении! Девчата мне завидовали. А чему было завидовать-то? Я не то что за Гудима – вообще замуж пока не хотела. В славницах³ хотела ещё походить.

– Останешься в девках, – недовольно ворчала Олея.

¹ Историческая область неразграниченных и слабозаселённых причерноморских и приазовских степей между Днестром на западе и Доном и Хопром на востоке.

² Древнее название рая у восточных славян.

³ Девушка, достигшая брачного возраста.

Она-то, понятно, хотела меня в дом мужа спровадить. Но что же я, за первого встречного пойду? Я и так чувствовала, что долго у неё не задержусь. Так оно и вышло.

А произошло всё это как раз после похорон мух.⁴ Напекли блины – сели мух поминать, как вдруг...

– Первак Храбрович, странник к нам пожаловал – монах пришлый. – В хату зашёл Ждан, лучший наш кузнец. – Просится отдохнуть с пути, переночевать.

Старейшина вышел из дома. На улице уже стал собираться народ – не часто к нам захаживают незнакомцы.

– Кто ты будешь? – Первак Храбрович завёл разговор с монахом.

– Я странствующий монах, держу путь в Рязань. Пустите отдохнуть, люди добрые, а я помолюсь за вас.

– У тебя свой бог, а у нас свой, мы молимся другим богам, – резко ответил старейшина, однако переночевать оставил. Ох, как же он потом жалел об этом поступке! Но сделанного не воротишь.

Отец Арсений оказался очень весёлым, дружелюбным, а не суровым и неразговорчивым, как я себе раньше почему-то представляла монахов. После того как великому князю вздумалось крестить Русь в новую веру, мы стали жить ещё обособленнее. И в город ездили совсем редко – по большой нужде только. И очень осторожно. Оно и верно – хлопот потом не оберёшься. И как это Первак Храбрович решился оставить монаха? Видно было, терзали старейшину сомнения, но как не помочь человеку?

Отец Арсений у нас только ночку ночевал, но после этого неожиданного знакомства моя судьба пошла совершенно по другому пути.

Селяне не спешили вступать в разговор с пришлым монахом. Да и старейшина запретил: нечего, смущаться только.

А вот я не из пугливых была. Хоть и видела недовольство Первака Храбровича, да вот только любопытная была не в меру. У отца Арсения были такие чистые, добрые глаза. Говорил он больше о странствиях своих, о новостях городских.

– Расскажите мне о своём Боге, – попросила я его.

Ох и влетит мне от старейшины, если узнает, что сама напросилась! Но вроде все были заняты своими делами, нас никто не мог услышать. И зачем я спросила? А отец Арсений улыбнулся и как-то странно на меня посмотрел.

– Что-то не так? – почему-то смутилась я.

– Да нет, просто слышал, что ты местная ведунья.

– Это бабка Казимира у нас ведунья, да и Прозор, а мне родители погибшие помогают узнавать волю богов.

– Бабка Казимира – это та, что ходит всё тут кругами, косится на меня и колосьями в мою сторону помахивает?

– Ага. Это последний сноп, она его из красного угла взяла. Видимо, использует как оберег от злых духов.

Мы рассмеялись. А потом отец Арсений спросил:

– Ты часто общаешься со своими родителями?

⁴ Восточнославянский обряд проводного типа, совершаемый в период от дня Семёна Летопроводца (1/14.IX) до Покрова (1/14.X). Часто обряд похорон мух, комаров или тараканов принимал шуточный характер или пародировал поведение кого-либо из жителей села. Похороны мух воспроизводили и вышучивали настоящие похороны: мнимого покойника отпевали и поминали, используя обороты похоронного причта, панихиды и псалмов. Обычай хоронить осенью мух и тараканов был известен во всех регионах России. Он мотивирован представлениями о связи насекомых с душами умерших родственников и персонажами низшей демонологии.

– Нет, только в определённые моменты, когда границы между миром живых и миром мёртвых открыты. Будущее на этом свете является прошлым на том.

Монах немного помолчал, затем начал говорить о своей вере. И вот как легко он рассказывал о своём путешествии, так же просто поведал о своём боге. Я даже вопросы не задавала: почувствовала, что-то изменяется, и мне нужно всё осмыслить самой, потом уже.

Наутро отец Арсений ушёл.

Осень пролетела незаметно – в хлопотах, в подготовке к зиме. А вот и святки. Все девчата ко мне бегут:

– Милка, ну погадай! Твоё гадание всегда верное. Что скажешь – непременно сбудется.

А мне что-то боязно стало после той беседы с монахом. И себе гадать перестала, и другим. Девчата обижаются на то, что я их отсылаю к бабке Казимире.

– Да у неё раз на раз не приходится. Не сбудется если, сразу по-иному перетолкует.

А я всё помалкиваю. Не знаю, как верно им ответить. Да и как им ответишь, когда себе не могу?

Стала задавать вопросы о вере православной Олеле и Перваку Храбровичу – они многое повидали, во многом разбираются. Олеля только отмахивается, а старейшина так и сказал:

– Ещё раз такие разговоры услышу – из дома выгоню!

Вот так вот, ни много ни мало – из дома!

Пыталась у других что выведать, но все только косились на меня. В конце концов Первак Храбрович не выдержал:

– Погону из селения! Ходишь тут, народ смущаешь своими вопросами. Это что же такое? В вере предков сомневаться?!

Одна только бабка Казимира была рада-радехонька. Оно и понятно: она теперь стала полновластной гадалкой, да и от хворей народ тоже к ней хаживал – я-то отказалась.

А волхв наш, Прозор (мрачная, скажу вам, личность), видно, был в сговоре с Казимирой. Давно они хотели меня известить. И кукол, похожих на меня, видели у него (мне Весняна про то сказывала). Про мой пропавший после визита бабки Казимиры гребень я тоже говорила. Да и без всего этого было ясно про их отношение ко мне. Так всё сложилось, что народ был уверен: с богами и духами предков лучше меня никто не общается. Вот вам и подорванный авторитет. И уж если Казимира, скрепя зубами, могла это проглотить, то грозный Прозор в своём обрядовом облачении выносить подрыв своего непререкаемого (как он считал) авторитета абсолютно не собирался.

Прозор давно бы меня в жертву богам отдал с превеликим удовольствием, да вот только повода не было. Видно, хранили меня высшие силы.

Ну так вот. Обстановка, как видите, накалялась. Бабка Казимира и Прозор как нарочно начали подводить к тому, чтобы меня выбирали для всяческих обрядовых действий. Я же в период происходящих после встречи с отцом Арсением душевных изменений приняла решение, наоборот, не участвовать ни в чём подобном.

Настало лето. Моё поведение стало казаться подозрительным почти всё. А уж после того как я отказалась вознести хвалу богам у жертвенника Велесу, старейшина терпеть не стал.

– Что ты меня перед людьми позоришь? Али веру предков наших забыла? Это всё после того монаха. Чувствовало моё сердце: не к добру был его приход. Так дальше продолжаться не может! Ты должна уйти от нас или вернуться к прежней жизни – это решение совета.

Как обухом по голове! Чего-то подобного я ожидала, зная наш древний строгий уклад, но всё равно слова, сказанные человеком, который практически заменил мне отца, буквально огорошили.

Уйти... Уйти навсегда из селения, где я провела шестнадцать лет своей девичьей жизни. Да я нигде дальше нашей речки и не была! В лес за ягодами да травами лечебными далеко не ходила.

Но, посмотрев на Первака Храбровича, поняла: просить остаться бесполезно. Да он и сам, скорее всего, не хотел меня отпускать, но суровое решение было не только его – большинства народа. И, если б я прилюдно покаялась, возможно, и простили, несмотря на происки бабки Казимиры и волхва Прозора: уж очень меня любили и жалели как сироту.

Но нет. И если до этого я сомневалась, то именно в эту самую минуту чётко определилась: не останусь, иная судьба мне уготована. А вот какая – это я должна выяснить за пределами родного дома.

Сборы были недолгими. Олея обняла меня на прощание, поцеловала. Да и Первак Храбрович, было видно, с тяжёлым сердцем отпускал. Но что делать? Нельзя ему многовековой уклад нарушать, нельзя сеять смуту в подведомственном селении. А я не могла жить как раньше. Для меня этот уклад пошатнулся. Ох, простите меня, предки, за слова такие!

Вот и двинулась я в путь-дорогу. Решила идти в Рязань, а там боги укажут. Старейшина мне подробно рассказал, как добраться до города, по каким ориентирам путь держать, чего опасаться. Ох, страшно было... И только слова Первака Храбровича, сказанные напоследок, придали уверенности:

– И помни, Милолика, судьба это не случай, судьба это выбор.

*«Часто близкая к отчаянию душа не знает, что стоит уже на грани,
за которой начинается новый путь»
(Преподобный Варсонофий Оптинский).*

Часть 2. Из варяг в греки

Всё, что с тобой случится, принимай как доброе, зная, что без Бога не бывает ничего.

Преподобный Симеон Новый Богослов

И вот иду я теперь в Рязань – не знаю пока, зачем и как там сложится, но цель такая: увидеть храм православный. Мне отец Арсений о нём рассказывал. А больше я и не загадывала.

Путь неблизкий. А в лесу чего только нет: и разбойники, и звери дикие. Летом хищные звери не так опасны для человека – еды хватает. Может, боги помогут, оберегут от напасти. Эх, жаль, я язык зверей не знаю – было бы проще. Вон, волхв Прозор говорил, что владеет этим тайным знанием. Хотя, чувствую, врал он безбожно, ибо случилась с ним однажды интересная история. Пошёл он как-то раз по своим магическим делам в лес. Заметьте, не один пошёл – двух охотников взял храбрец наш. И, как рассказывали потом охотники, повстречались им два волка. А дело было зимой – встреча произошла явно в самый момент полдника диких зверей. Наши охотники – мастера своего дела. Одна из шкур волков была потом подарена старейшине на праздник. А нашего волхва привели из лесу бледного, испуганного. Так что судите сами. Да я вам точно говорю: если Прозор и знал язык зверей, то самое большее зайцев. А так как я хищных зайцев, слава богам, ни разу в своей жизни не встречала, то это тайное знание считаю абсолютно бесполезным. Ох и угрюмый Прозор мужик, честолюбивый, авторитарный! Чувствую, если бы не ушла, выдумал бы наш волхв чушь несусветную. Например, неурожай из-за того, что я обряд не так выполнила, не то надела, не так повернулась. А потом бы сказал, что в жертву меня нужно отдать богам, чтобы те опять смилостивились. И ведь могли послушать его. Но, как ему назло, с урожаем нам везло, скот потомство давал. А мои душевные метания Прозору оказались на руку. Подговорил всё селение, что разгневаются боги за то, что я отвернулась от веры предков. Старейшина вынужден был выслать меня из родного дома.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.